

Карлос совершенно невозмутимо забрал с собой этот покрытый ржавчиной тяжелый меч. Луи и господин Гуд переглянулись и господин Гуд неловко произнёс:

— Э-э... Разве этот меч не...

Альдо не отводил взгляда от Карлоса и небрежно пояснил:

— Этот меч его личный. Изначально на нём был выгравирован герб дома Фларете, но в одном из боёв он случайно расплавился из-за огненного Дифу. Это вовсе не символ Меченосца. Имя "Жрец-меченосец" означает «верховный главнокомандующий, способный заменить архиепископа во время войны», и к самому мечу отношения не имеет. Позднее, возможно, потомки это неправильно интерпретировали.

Господин Гуд и Луи с потрясением и благоговением переглянулись.

Он... он заговорил! Он заговорил нормальным тоном! Он даже добровольно ответил на вопрос!

Архиепископ Альдо, что с вами?! Очнитесь! Не надо так! Сначала ранним утром вы сошли с ума, теперь у вас что - внезапное раздвоение личности?!

Знаете, если не считать его эффектного появления, Альдо в первый раз покинул склеп лишь ради того, чтобы забрать останки Шакала Бездны, и при этом вёл себя с холодным презрением и нетерпением, будто этот демон высшего уровня был кучкой никому не нужного мусора. Кто бы мог подумать, что второй раз он выйдет, чтобы присоединиться к каким-то непонятным "однодневным турам по Храму"... и отправиться с ними в какой-то «Сумрачный музей»?

Дизайн Сумрачного музея, по правде говоря, был крайне ленивым: чёрный мрачный дверной проём, как у обычного дома с привидениями, завешен несколькими тяжёлыми шторами, внутри звучат жуткие и странные звуки; посетителей сажают в вагонетки, которые едут по рельсам сквозь декорации, настолько фальшивые, что это даже возмущает, и мимо внезапно выскакивающих трупов дифу, чтобы их хорошенько напугать.

— Почему здесь не зажигают свечи? — у входа в музей удивлённо спросил Альдо.

— Потому что это Сумрачный музей, сэр, — тут же из-за занавеса вынырнул экскурсовод, едва услышав голоса и моментально вошёл в образ. Его лицо было размалёвано в цветах, на голове резиновый череп, и он зловеще произнёс:

— Здесь нет свечей, нет фонарей, нет ничего от светлого мира. Если и есть что-то, то это лишь... преисподняя... и... блуждающие огоньки... души, убитые демонами, что не могут найти покой...

Однако бедняге гиду не удалось договорить заученный монолог. В тусклом свете он разглядел

мужчину в мантии перед собой и резко замолчал, будто сломанный проектор. Он шумно втянул воздух, отшатнулся на шаг и едва не врезался в стоящего рядом Карлоса, дрожащей рукой указывая на Альдо:

— С-статуя!.. статуя!!!

Легендарный экскурсовод зловещего музея, прославившийся умением пугать туристов, с позором сам перепугался от туриста - похоже, в любой сфере найдутся такие, кто любит устраивать шумиху из ничего.

Майк, дёрнув Карлоса за подол плаща, презрительно скривил губы: Фу, ну и слабак.

Господин Гуд испытал глубокую тревогу за профессиональные качества своего персонала и неловко откашлялся:

— Дак...

Экскурсовод наконец смог разглядеть эту странную и весьма представительную компанию: двое малышей, одна "статуя", один незнакомый красавец, один охотник с золотым значком, один архиепископ и один новообъявленный жрец... Программы в его голове перепутались, и он начал заикаться, не зная, с чего начать:

— Э... э... простите... пожалуйста, проходите в вагонетку... ээ... детям до двенадцати только в сопровождении взрослых... нет, тот господин, ваш... ваш меч, м-меч нельзя проносить внутрь! Даже если это жреческий тяжёлый меч - тоже нельзя!

Бедняге экскурсоводу пришлось несладко и последнюю фразу он выговорил так, будто чуть не прикусил язык.

Лили высунулась из-за плеча Карлоса, хлопая глазками:

— Почему он ни страшный, ни смешной? Эмили - врушка!

Карлос даже не обернулся. Чей-то взгляд буквально жёг ему спину, ему страшно было не только снова услышать своё настоящее имя, но и просто взглянуть на того человека. Детская, наивная любовь, одно разочарование за другим, пока он сам не покинул храм, прошёл через долгие годы мучительной тоски и нарочитого забвения, до тех пор, пока не смог вернуться и притвориться, будто всё в порядке, чтобы сражаться бок о бок с ним... Даже тогда, даже после смерти и целого тысячелетия ему не хватало смелости оглянуться на него.

А бедный экскурсовод Дак, униженный игнором мужчины и честными словами маленькой девочки, стоял, утирая слёзы.

Маленькие вагонетки были рассчитаны на одного человека. Даже таких крошек, как Майк, взрослый мог сопровождать только по одному. Карлос уже держал на руках Лили, и Гаэр хотел было предложить Майку поехать с ним, но не успел открыть рта, как подозрительно раздвоившийся в личности архиепископ Альдо перехватил ребёнка.

Альдо наклонился, протянул к Майку руку и мягко спросил:

— Можно я поеду с тобой?

Майк замер. Инстинктивно он немного побаивался этого светловолосого мужчины, но тот так красиво улыбнулся, словно ожившая в сказке марионетка обрела душу.

Дети легко поддаются очарованию всего красивого, поэтому Майк, маленький предатель, сдался за одну секунду и без тени сомнений вложил свою ручку в ладонь Альдо.

Вагонетки скрипя поехали по мрачным рельсам, а Дак, вытирая холодный пот со лба, начал заикаться и пересказывать истории каждого экспоната с заспиртованными дифу. Но поскольку сам он уже однажды сорвался на визг, то теперь его дрожащий голос напоминал живое исполнение «У Мэри был маленький ягнёнок» *Mary Had A Little Lamb - англоязычная детская считалка. Лишь Лили ещё как-то интересовалась происходящим, вертя головой по сторонам, остальные же сидели в тележках, словно бездушные куклы, и мыслями давно покинули этот мир.

Майк, не дождавшись от Сумрачного музея хоть чего-то пугающего, быстро заскучал и переключил внимание на Альдо.

— Почему вы подрались? — вдруг спросил он.

Альдо взглянул на него, затем его взгляд медленно скользнул вперёд к прямой спине Карлоса, едущего в трёх метрах от них. Чтобы создать атмосферу ужаса, в Сумрачном музее работали скрытые вентиляторы, и порывами ветра развевали длинные волосы Карлоса. Они вздымались и опадали, создавая иллюзию, будто до него можно дотянуться рукой.

Альдо не знал, почему всё это произошло, почему Карлос появился спустя тысячу лет. Это было случайностью? Заговором? Или всего лишь совпадением, заставляющая людей плакать?

Но сейчас, как он понял, это всё уже неважно.

— Потому что... — Альдо погладил Майка по голове, замолчал на секунду. Он знал, что с этого расстояния Карлос слышит каждое его слово. — Я так сильно скучал по нему... Настолько, что до сих пор мне кажется, будто я сплю. Я боюсь, что если он уйдёт, я проснусь... и снова останусь один в той безмолвной, холодной гробнице.

В детском саду учат считать и писать, но не рассказывают о таких романтических клише, так что Майк, искренне не поняв таких литературных слов, только захолопал своими наивными глазами и с полной уверенностью сказал:

— Ты можешь ему позвонить по телефону.

Альдо понятия не имел, что такое "телефон", но переспрашивать не стал. Он смотрел на слегка застывшую спину Карлоса и тихо проговорил:

— Нет... Я слишком боюсь. Только когда держу его в объятиях, прижимаю руку к его груди и чувствую биение сердца - только тогда я по-настоящему чувствую, что он существует.

В этот момент тележка впереди резко свернула и наступил кульминационный момент путешествия по Сумрачному музею. Скорость внезапно увеличилась, и на каждом повороте, где пассажиров поджидала неожиданность, выскакивали вопящие чучела дифу, пугая посетителей.

Карлос среагировал почти рефлекторно, схватив за горло одного из выскочивших дифу, оказавшегося слишком близко. Со дня открытия музея таких инцидентов ещё не случалось. Несчастное чучело не смогло вовремя спрятаться, и трагедия не заставила себя ждать - весь подшипник механизма заклинило и тележка с пронзительным скрипом остановилась на месте.

Майк сидел спиной к ним, поэтому не видел, как его "сумрачная карета" превратилась в бамперную машину, и теперь уверенно врезалась в стоящий впереди вагон. Тем не менее, он сохранял живой интерес и с любопытством спросил:

— Так он твой любовник?

Не успел вопрос прозвучать, как тележки столкнулись. Лили закричала, а Дак, наконец, набравшись смелости, заорал:

— Сэр, пожалуйста, отпустите этого несчастного дифу! Иначе мы так тут и застрянем!

Альдо протянул руку, поддержал Карлоса, который от удара немного наклонился вперёд, и, прежде чем тот успел среагировать, тут же отпустил его. Кончики его пальцев скользнули по волосам Карлоса, и он тяжело вздохнул, почти прижавшись к его спине

— Нет, — ответил он, глядя на Карлоса, но обращаясь к Майку. — Пока что нет... Потому что он не хочет меня прощать.

В этот момент на тыльной стороне руки Карлоса вздулись вены и он с усилием разжал пальцы, выпустив горло несчастного чучела дифу. Только тогда механизм завершил свой пронзительный, длившийся более десяти секунд вопль, маленькая тележка вновь плавно

поехала по рельсам. Карлос слегка повернулся вбок, опустил взгляд и, показывая Альдо лишь уходящий профиль, спокойно произнёс:

— Держите себя в руках, ваше пресветейшество.

Гаэр, застрявший из-за "дорожной аварии" и случайно услышавший часть диалога, ощутил, как зеленеет от неловкости. За свои двадцать с лишним лет он впервые задумался, не страдает ли он каким-то врождённым дефектом слуха. Видимо, его слуховые нервы с детства развивались неправильно!

"Держите себя в руках"...

Альдо печально улыбнулся, и поднятые было пальцы опустились с запоздалой растерянностью. Майк вдруг почувствовал к нему каплю сочувствия, похлопал его по плечу и по-стариковски, но детским голосом сказал:

— Не переживай, друг. Такое бывает.

Альдо пожал плечами.

Майк решил привести пример из жизни:

— Вот смотри, в прошлом месяце в садике я подпалил волосы Рут. Она расплакалась и поклялась, что больше никогда со мной не заговорит... А, ну, Рут - это моя девушка.

Альдо, проявив вежливость, сделал удивлённое лицо.

— Потом я подарил ей непальские конфеты, которые мне дядя Гаэр купил, и она меня простила. — он придирчиво взглянул на Альдо и добавил, — Так что тебе тоже нужно постараться.

Когда вагонетка повернула за угол, сверху резко выскочил очередной экспонат-дифу, сопровождаемый яркой вспышкой света. Альдо успел как раз разглядеть лицо Майка: цвет его глаз отличался от глаз сестры-близнеца, но был точно таким же, как у Карлоса - тёмно-зелёным. Маленький подбородок был вызывающе задран, а высокомерный взгляд «я всё знаю лучше всех, дайте-ка я вас поучу» был таким знакомым, что Альдо вдруг вспомнил кое-что из глубин своей памяти.

Он не удержался и спросил:

— А как твоя фамилия?

— Шоуден, — ответил Майк.

— Шоуден... — Альдо на секунду задумался, а потом спросил:

— А ты слышал когда-нибудь фамилию Фларете?

— Конечно. Это бабушкина девичья фамилия.

Неудивительно... — Альдо бросил взгляд на Карлоса, который в этот момент крепко держал в объятиях маленькую девочку, оберегая её от всего вокруг.

Запах жизни, свежий воздух, который хлынул из-за пределов гробницы, странный и яркий новый мир, и этот ребёнок, до смешного похожий на Него...

Все эти вещи, ещё несколько часов назад казавшиеся такими далёкими и нереальными, теперь вдруг обрели плоть, звук и смысл. Они будто глубоко пронзили Альдо прямо в грудь, в сердце, которое, как он только сейчас понял... всё ещё билось.

Альдо впервые осознал, что у него всё ещё есть сердце.

Этот малыш оказался потомком семьи Фларете... Альдо беззвучно усмехнулся, приподнял голову и издали глянул на Карлоса — ну что ж ты, Карл, всегда даёшь мне с первого раза найти твоё слабое место...

Это как глоток воды для человека, умирающего от жажды, свет в отчаянии, который способен пробудить в самом слабом мужчине звериное нутро и безумное, всепоглощающее желание обладать, чего бы это ни стоило.

Альдо закрыл глаза, приказывая своему неугомонному сердцу: Терпи. Потерпи ещё немного.

Путешествие по музею ужасов, полное сбоев и курьёзов, наконец закончилось спустя двадцать минут. Дак с бледным лицом отправился требовать у архиепископа компенсацию за переработку, а заодно, по его мнению, ему полагались выплаты по производственной травме, учитывая, сколько раз за этот путь его желудок сводило от ужаса.

На выходе их уже ждала взволнованная госпожа Шоуден, которая, получив срочное сообщение, поспешно приехала за детьми. Она искренне извинилась, забрала осунувшихся Майка и Лили, с убитыми выражениями лиц, и пообещала дома «хорошо с ними поговорить».

И вот, наконец, осталась лишь группа взрослых, перегруженных событиями и информацией, и совсем не склонные к веселью. Некоторое время все стояли в гнетущем молчании, пока Гаэр, наконец, не задал вопрос:

— Так вы действительно... тот самый человек?

— Угу, — Карлос отвёл взгляд. — Простите меня.

Лицо Гаэра в ту же секунду приобрело цвет свежескошенной зелени. Учítывая, что только утром он говорил мистеру Гуду, что этот мужчина будто бы его второй племянник... ну послушайте, насколько это вообще возможно?!

— Значит, хотя в истории этого не записано, вы действительно занимали должность жреца? — Луи, как обычно, интересовался совсем не тем, чем все остальные.

— Да, потому что тогда жрецы слишком быстро умирали один за другим, — ответил Карлос.

Несколько секунд все переглядывались.

Господин Гуд наконец сделал финальное обобщение:

— Честно говоря, я уже не молод, мне срочно нужно выспаться, а потом собрать всех на собрание и серьёзно обсудить, и как комментировать всю эту ситуацию. И, кстати, если возможно... могу я сфотографироваться с вами двумя?

Луи: «...»

Гаэр: «...»

Карлос сухо усмехнулся:

— Приятно осознавать, что я удостоился такой же чести, как и дохлый шакал Бездны.

— О нет-нет, — замахал руками господин Гуд, — как вас вообще можно с ним сравнивать? Живого Карлоса встретить куда труднее, чем мёртвого шакала Бездны!

Карлос:

— ...Почему-то мне всё ещё не особо приятно.

Все это время молчавший Альдо спокойно вставил:

— Если никто не возражает, могу ли я...

В его голосе прозвучала лёгкая пауза и Гаэр внезапно напрягся, услышавший что-то не то.

— ...поговорить со своим старым другом наедине? — Было ли это случайностью или нет, но его взгляд скользнул по лицу Гаэра с неуловимой улыбкой. — Всё-таки мы не виделись тысячу лет, и, похоже, это стало сюрпризом для нас обоих.

Сюрприз был настолько сильным, что вы сразу же разругались и начали разносить здание?

Карлос был равнодушен, и не выглядел особо заинтересованным, но и не отказался. Трое других обменялись взглядами и благоразумно удалились.

<http://bllate.org/book/14761/1317210>